

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

В. В. Голявкин
**ТЕТРАДКИ
ПОД ДОЖДЁМ
РАССКАЗЫ**

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

В. В. Голявкин

ТЕТРАДКИ ПОД ДОЖДЁМ РАССКАЗЫ

Художник Е. Кузнецова

МОСКВА
РОСМЭН
2018

УДК 821.161.1Р-32-93
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г639

Наш адрес в Интернете: www.rosman.ru

Голявкин, Виктор Владимирович.

Г639 Тетрадки под дождем : рассказы / В. В. Голявкин ; худож. Е. Кузнецова. — М. : РОСМЭН, 2018. — 128 с. : ил. — (Внеклассное чтение).

В сборник вошли самые известные рассказы замечательного детского писателя Виктора Голявкина (1929–2001): «Тетрадки под дождем», «Яндреев», «Вот что интересно!» и другие. Герои этих веселых, ироничных и добрых рассказов — обычные мальчишки и девчонки. Они то и дело попадают в забавные переделки, но никогда не унывают и всегда готовы прийти на помощь друзьям.

ISBN 978-5-353-07704-6

УДК 821.161.1Р-32-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

© В. В. Голявкин, наследники, 2016
© Состав, макет, иллюстрации.
ООО «РОСМЭН», 2016

Живые картинки

Перед тобой очень необычный сборник. В нём не просто рассказы, а настоящие живые картинки. Короткие и очень короткие — такие, что читаешь, и сразу всё становится ясно про мальчишек и девчонок, о которых в них написано. И какие они, и что любят, и что будут делать потом, и о чём мечтают, и чего боятся — всё-всё-всё можно представить! Просто невероятно, как же так получается?

Может быть, секрет в том, что автор этих рассказов не только писатель, но ещё и художник. Зовут его Виктор Владимирович Голявкин. Родился он в городе Баку, и его мама и папа хотели, чтобы он стал... нет, не художником и не писателем, а музыкантом! Да-да, ведь и отец у него был музыкант, и мама играла на фортепиано, и своего сына они с самого детства учили музыке. В доме у них часто собирались друзья, тоже музыканты, и наверняка Витю нет-нет да и просили сыграть, похвастаться успехами. Он, конечно, играл и Баха, и Гайдна, и Моцарта, и Клементи. А потом, однажды, сыграв, может быть, Клементи, взял и нарисовал гостей. Вышло похоже и очень смешно. Вот тут-то родителям стало ясно, что у сына самый настоящий талант к рисованию. Они купили ему красок, и мальчик занялся тем, что он любит.

Но вскоре наступили трудные времена: началась Великая Отечественная война, и отец

Вити ушёл на фронт. Семье жилось очень тяжело. Мальчик помогал родным как мог и, конечно, не переставал рисовать. И карикатуры на фашистов у него выходили так хорошо, что их даже печатали в газетах.

После войны он учился в художественном училище в Душанбе, потом — в Академии художеств в Ленинграде. И вдруг начал писать рассказы. Их печатали в журналах, а в 1959 году вышла и первая книжка «Тетрадки под дождём». Были и другие сборники рассказов и повести: «Ты приходи к нам, приходи», «Мой добрый папа», по которым сняли фильмы. А сборник рассказов «Весельчаки» был отмечен Почётным дипломом международной премии Х.-К. Андерсена.

Но конечно, дело не в наградах. Просто Виктор Голявкин писал так, что читать его никогда не бывает скучно. Как говорит его герой в повести «Мой добрый папа»: «Очень странные взрослые люди! Рассказывают одно и то же. Разве со мной так бывает? Каждый день у меня куча новостей. Что мне вспоминать что-то старое? Когда кругом одни новости!» Так и рассказы Голявкина похожи на яркие, свежие новости — самые забавные, самые необычные, словно подсвеченные волшебным фонарём живые картинки.

Как я боялся

Когда я впервые шёл в школу первого сентября в первый класс, я очень боялся, что меня там будут сразу что-нибудь сложное спрашивать.

Например, спросят: сколько будет 973 и 772? Или: где находится такой-то город, который я не знаю, где он находится. Или заставят быстро читать, а я не смогу — и мне поставят двойку.

Хотя родители меня уверяли, что ничего подобного не произойдёт, я всё равно волновался.

И вот такой взволнованный, растерянный, даже напуганный я вошёл в класс, сел за парту и тихо спросил своего соседа:

— Писать умеешь?

Он покачал головой.

— А девятьсот семьдесят три и семьсот семьдесят два можешь сложить?

Он покачал головой и испуганно на меня посмотрел.

— А быстро умеешь читать?

Он совсем перепугался, чуть под парту не полез. Читать он совершенно не умел.

Я кое-как читать умел, но всё равно боялся.

В это время учительница спросила меня, как моя фамилия, а я решил, что меня сейчас заставят быстро читать или слагать большие цифры, и сказал:

— Я ничего не знаю!

— Чего не знаешь? — удивилась учительница.

— Ничего я не знаю! — крикнул я испуганно.

— А как зовут тебя, знаешь?

— Не знаю! — сказал я.

— Ни фамилии своей, ни имени не знаешь?

— Ничего не знаю! — повторил я.

В классе засмеялись.

Тогда я сквозь шум и смех класса крикнул во всё горло:

— Свою фамилию и своё имя я знаю, но больше я ничего не знаю!

Учительница улыбнулась и сказала:

— Кроме имени и фамилии, никто вас больше спрашивать ни о чём не будет. Пока ещё никто из вас почти ничего не знает. Для этого вы и пришли в школу, чтобы учиться и всё знать. Вот с сегодняшнего дня мы и начнём с вами учиться.

Тогда я смело назвал свою фамилию и своё имя.

Мне даже смешно стало, что я сначала боялся.

А сосед мой назвал своё имя и фамилию раньше, чем его об этом спросили.

И мы помогли

Когда снег с крыши сбрасывали, мы всем двором помогли дворнику. На крышу нас, конечно, не пустили.

Тогда мы собрались во дворе, встали цепочкой, взявшись за руки, и никого не пускали в ту зону, куда снег падал.

Когда люди в эту зону шли, не подозревая об опасности, мы хором кричали:

— Сюда нельзя! В обход!

И все люди шли в обход.

На Ваську небольшой кусок снега упал. Кружился, кружился в воздухе и прямо Ваське на голову опустился. Васька только тряхнул головой, и этот снег на его голове растаял. Он потом всё повторял, что своей головой защитил других. Нескромно, я считаю, такие вещи заявлять. Тоже мне! Как будто это был какой-нибудь громадный кусок льда.

Нас всю дворник гнал, а мы не уходили. Так до конца помогали.

А дворник говорит, что мы мешали.

Как же так?!

Не может этого быть!

Яндреев

Всё из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале: чуть что — сразу меня вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятёрки. С его фамилией это нетрудно — он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут. А с моей фамилией пропадёшь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю — никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я это и придумал.

Прихожу в класс, заявляю ребятам:

— Я теперь не Андреев. Я теперь Яндреев.

— Мы давно знаем, что ты Андреев.

— Да нет, — говорю, — не Андреев, а Яндреев, на «Я» начинается — Яндреев.

— Ничего не понятно. Какой же ты Яндреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

— У кого, — говорю, — не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

— Удивительно, — говорит Вовка, — почему ты вдруг Яндреевым стал!

— Ещё увидите, — говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

— У меня, знаете, дело такое: я теперь Яндреевым стал. Нельзя ли в журнале меня изменить? Чтобы я на «Я» начинался?

— Что за фокусы? — говорит Александра Петровна.

— Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

— Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яндреев, урок отвечать.

Всему своё место

Я бросил решать задачку и побежал в сад к ребятам. Бегу — навстречу идёт наш учитель.

— Как дела? — говорит. — Догоняешь ветер?

— Да нет, я так, в садик.

Иду рядом с ним и думаю: «Вот сейчас спросит меня про задачу — какой ответ получился, — а я что скажу? Ведь я ещё не успел решить».

А он:

— Хороша погода...

— Ну да, — отвечаю, — конечно...

А сам боюсь: про задачу вдруг спросит.

А он:

— Нос-то у тебя красный! — и смеётся.

— У меня всегда нос красный, такой уж у меня нос.

— Что ж ты, так и собираешься с таким носом жить?

Испугался я:

— А что мне с ним делать?

— Продать его и купить новый.

— Это вы шутите.

Он опять смеётся.

Я жду, когда же он про задачу спросит.

Так и не спросил про задачу. Забыл, наверное.

На другой день вызывает меня:

— А ну, покажи задачу.

Не забыл, оказывается.

Тетрадки под дождём

На перемене Марик мне говорит:

— Давай убежим с урока. Смотри, как на улице хорошо!

— А вдруг тётя Даша задержит с портфелями?

— Нужно портфели в окно побросать.

Глянули мы в окно; возле самой стены сухо, а чуть подальше — огромная лужа. Не кидать же портфели в лужу! Мы сняли ремни с брюк, связали их вместе и осторожно спустили на них портфели. В это время звонок зазвонел. Учитель вошёл. Пришлось сесть на

место. Урок начался. Дождь за окном полил. Марик записку мне пишет: «Пропали наши тетрадки».

Я ему отвечаю: «Пропали наши тетрадки».

Он мне пишет: «Что делать будем?»

Я ему отвечаю: «Что делать будем?»

Вдруг вызывают меня к доске.

— Не могу, — говорю, — я к доске идти.

«Как же, — думаю, — без ремня идти?»

— Иди, иди, я тебе помогу, — говорит учитель.

— Не надо мне помогать.

— Ты не заболел ли, случайно?

— Заболел, — говорю.

— А с домашним заданием как?

— Хорошо с домашним заданием.

Учитель подходит ко мне.

— А ну, покажи тетрадку.

Я молчу.

— Что с тобой происходит?

Я молчу.

— Придётся тебе поставить двойку.

Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождём.

Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:

— Какой-то сегодня ты странный...

Разговор по телефону

Надумали мы позвонить Анне Павловне, нашей учительнице. Не то чтобы нам нужно было позвонить, нам совсем не нужно было звонить, нам просто так захотелось, поговорить по телефону с Анной Павловной, тем более что мы с Анной Павловной по телефону никогда не говорили.

Мы влезли в будку-автомат вдвоём с Вовкой, и Вовка стал набирать номер, а я должен был говорить. Вот Вовка набрал номер, и я слышу в трубке голос Анны Павловны. Я растерялся и говорю:

— Кто говорит?

И Анна Павловна говорит:

— Кто говорит?

Я совсем растерялся и говорю:

— Я говорю.

Анна Павловна засмеялась в трубку и спрашивает:

— Это ты, Звёздочкин?

Значит, тоже узнала меня.

Я отвечаю:

— Ага, это я, Звёздочкин!

А Вовка меня в бок толкает и что-то советует. А я его рукой отстраняю: мол, не мешай разговаривать.

Анна Павловна говорит:

— Ну, я тебя слушаю, Звёздочкин.

Я говорю:

— И я вас тоже слушаю, Анна Павловна! Ох, и хорошо слышно!

Анна Павловна спрашивает:

— Ты что-нибудь хочешь спросить у меня? Так ты спрашивай. Не стесняйся.

Я кричу:

— Я ничего не хочу спросить! Я с Вовкой!

— Значит, Вова хочет спросить что-нибудь?

— Не! Вовке нечего спрашивать. Он просто так стоит!

Тут я опять растерялся. И Вовку шёпотом спрашиваю:

— Мы зачем звоним?

А он пожимает плечами. И молчит. А я на Вовку смотрю и не знаю, что мне отвечать. Нельзя же мне говорить такое, что мы просто так звоним. И Анна Павловна тоже молчит и ждёт, что я отвечу. Вот ведь попал в положение!

Вовке-то ничего, он стоит себе, а мне отвечать нужно! Я взял и дал Вовке трубку. Он тоже растерялся и на меня смотрит. Только рот раскрыл. И ни слова. Потом протягивает мне трубку, а из трубки гудки гудят.

Я на него набросился.

— Это ты, — говорю, — виноват! Нужно сразу было ответить, а ты молчал!

А он только руками развёл.

— Что бы я ответил?

И действительно, отвечать было нечего. Раз мы низачем звонили. Что я завтра скажу Анне Павловне, когда она спросит, зачем я звонил?

Абсолютно верно

- Ты опять завтракаешь на уроке?
Валя быстро спрятала завтрак в парту.
— Что будет, — сказал учитель, —
если все будут завтракать на уроке?
Класс зашумел. Потому что каждый
хотел сказать, что тогда будет.
Коля сказал:
— Будет очень смешно!
Миша сказал:
— Жеванье будет!
Маша сказала:
— Все сытые будут!

— А чего не будет? — спросил учитель.

Класс молчал. Чего не будет — никто не знал.

Учитель хотел уже сам ответить, как вдруг кто-то крикнул:

— Урока не будет!

— Абсолютно верно! — сказал учитель.

В шкафу

Перед уроком я в шкаф залез. Я хотел мяукнуть из шкафа. Подумают, кошка, а это я.

Сидел в шкафу, ждал начала урока и не заметил сам, как уснул.

Просыпаюсь — в классе тихо. Смотрю в щёлочку — никого нет. Толкнул дверь, а она закрыта. Значит, я весь урок проспал. Все домой ушли, и меня в шкафу заперли.

Душно в шкафу и темно, как ночью. Мне стало страшно, я стал кричать:

— Э-э-э! Я в шкафу! Помогите!

Прислушался — тишина кругом.

Я опять:

— О! Товарищи! Я в шкафу сижу!

Слышу чьи-то шаги. Идёт кто-то.

— Кто здесь горланит?

Я сразу узнал тётю Ньюшу, уборщицу.

Я обрадовался, кричу:

— Тётя Ньюша, я здесь!

— Где ты, родименький?

— В шкафу я! В шкафу!

— Как же ты, милый, туда забрался?

— Я в шкафу, бабуся!

— Так уж слышу, что ты в шкафу.

Так чего ты хочешь?

— Меня заперли в шкаф. Ой, бабуся!

Ушла тётя Ньюша. Опять тишина. Наверное, за ключом ушла.

Опять шаги.

Слышу голос Пал Палыча. Пал Палыч — наш завуч...

Пал Палыч постучал в шкаф пальцем.

— Там нет никого, — сказал Пал Палыч.

— Как же нет. Есть, — сказала тётя Ньюша.

— Ну где же он? — сказал Пал Палыч и постучал ещё раз по шкафу.

Я испугался, что все уйдут, я останусь в шкафу, и изо всех сил крикнул:

— Я здесь!

— Кто ты? — спросил Пал Палыч.

— Я... Цыпкин...

— Зачем ты туда забрался, Цыпкин?

— Меня заперли... Я не забрался...

— Гм... Его заперли! А он не забрался! Видали? Какие волшебники в нашей

школе! Они не забираются в шкаф, в то время как их запирают в шкафу. Чудес не бывает, слышишь, Цыпкин?

— Слышу...

— Ты давно там сидишь? — спросил Пал Палыч.

— Не знаю...

— Найдите ключ, — сказал Пал Палыч. — Быстро.

Тётя Ньюша пошла за ключом, а Пал Палыч остался. Он сел рядом на стул и стал ждать. Я видел сквозь щёлку его лицо. Он был очень сердитый. Он закурил и сказал:

— Ну! Вот до чего доводит шалость! Ты мне честно скажи: почему ты в шкафу?

Мне очень хотелось исчезнуть из шкафа. Откроют шкаф, а меня там нет. Как будто бы я там и не был. Меня спросят: «Ты был в шкафу?» Я скажу: «Не был». Мне скажут: «А кто там был?» Я скажу: «Не знаю».

Но ведь так только в сказках бывает! Наверняка завтра маму вызовут... Ваш сын, скажут, в шкаф залез, все уроки там спал, и всё такое... Как будто мне тут удобно спать! Ноги ломит, спина бо-

лит. Одно мучение! Что было мне отвечать?

Я молчал.

— Ты живой там? — спросил Пал Палыч.

— Живой...

— Ну сиди, скоро откроют...

— Я сижу...

— Так... — сказал Пал Палыч. — Так ты ответишь мне, почему ты залез

в этот шкаф?

Я молчал. Вдруг я услышал голос директора. Он шёл по коридору:

— Кто? Цыпкин? В шкафу? Почему?

Мне опять захотелось исчезнуть.

Директор спросил:

— Цыпкин, ты?

Я тяжело вздохнул. Я просто уже не мог отвечать.

Тётя Ньюша сказала:

— Ключ унёс староста класса.

— Взломайте дверь, — сказал директор.

Я почувствовал, как ломают дверь, — шкаф затрясся, я стукнулся больно лбом. Я боялся, что шкаф упадёт, и заплакал. Руками упёрся в стенки шкафа, и, когда дверь поддалась и открылась, я продолжал точно так же стоять.

— Ну, выходи, — сказал директор. — И объясни нам, что это значит.

Я не двинулся с места. Мне было страшно.

— Почему он стоит? — спросил директор.

Меня вытащили из шкафа.

Я всё время молчал. Я не знал, что сказать. Я хотел ведь только мяукнуть. Но как я сказал бы об этом...

Вот что интересно!

Когда Гога начал ходить в первый класс, он знал только две буквы: О — кружочек и Т — молоточек. И всё. Других букв не знал. И читать не умел.

Бабушка пыталась его научить, но он сейчас же придумывал уловку:

— Сейчас, сейчас, бабуся, я тебе вымою посуду.

И он тут же бежал на кухню мыть посуду. И старенькая бабушка забывала про учёбу и даже покупала ему подарки за помощь в хозяйстве. А Гогины родители были в длительной командировке и надеялись на бабушку. И конечно, не знали, что их сын до сих пор читать не научился. Зато Гога часто мыл пол и посуду, ходил за хлебом, и бабушка всячески хвалила его в письмах родителям. И читала ему вслух. А Гога, устроившись поудобней на диване, слушал с закрытыми глазами.

«А зачем мне учиться читать, — рассуждал он, — если бабушка мне вслух читает».

Он и не старался.

И в классе он увиливал как мог.

Учительница ему говорит:

— Прочти-ка вот здесь.

Он делал вид, что читает, а сам рассказывал по памяти, что ему бабушка читала.

Учительница его останавливала. Под смех класса он говорил:

— Хотите, я лучше закрою форточку, чтобы не дуло.

Или:

— У меня так кружится голова, что я сейчас, наверное, упаду...

Он так искусно притворялся, что однажды учительница его к врачу послала. Врач спросил:

— Как здоровье?

— Плохо, — сказал Гога.

— Что болит?

— Всё.

— Ну, иди тогда в класс.

— Почему?

— Потому что у тебя ничего не болит.

— А вы откуда знаете?

— А ты откуда знаешь? — засмеялся врач.

И он слегка подтолкнул Гогу к выходу.

Больным Гога больше никогда не притворялся, но увивать продолжал.

И старания одноклассников ни к чему не привели. Сначала к нему Машу-отличницу прикрепили.

— Давай будем серьезно учиться, — сказала ему Маша.

— Когда? — спросил Гога.

— Да хоть сейчас.

— Сейчас я приду, — сказал Гога.

И он ушёл и не вернулся.

Потом к нему Гришу-отличника прикрепили. Они остались в классе. Но как только Гриша открыл букварь, Гога полез под парту.

— Ты куда? — спросил Гриша.

— Иди сюда, — позвал Гога.

— Зачем?

— А здесь нам никто мешать не будет.

— Да ну тебя! — Гриша, конечно, обиделся и сейчас же ушёл.

Больше к нему никого не прикрепляли.

Время шло. Он увиливал.

Приехали Гогины родители и обнаружили, что их сын не может прочесть ни строчки. Отец схватился за голову, а мать за книжку, которую она привезла своему ребёнку.

— Теперь я каждый вечер, — сказала она, — буду читать вслух эту замечательную книжку моему сыночку.

Бабушка сказала:

— Да, да, я тоже каждый вечер читала вслух Гогочке интересные книжки.

Но отец сказал:

— Очень даже напрасно вы это делали. Наш Гогочка разленился до такой

степени, что не может прочесть ни строчки. Прошу всех удалиться на совещание.

И папа вместе с бабушкой и мамой удалились на совещание. А Гога сначала заволновался по поводу совещания, а потом успокоился, когда мама стала

ему читать из новой книжки. И даже заболтал ногами от удовольствия и чуть не сплюнул на ковёр.

Но он не знал, что́ это было за совещание! Что там постановили!

Итак, мама прочла ему полторы страницы после совещания. А он, болтая ногами, наивно воображал, что так и будет дальше продолжаться. Но когда мама остановилась на самом интересном месте, он опять заволновался.

А когда она протянула ему книгу, он ещё больше заволновался.

— А дальше читай сам, — сказала ему мама.

Он сразу предложил:

— Давай я тебе, мамочка, вымою посуду.

И он побежал мыть посуду.

Но и после этого мама отказывалась читать.

Он побежал к отцу.

Отец строго сказал, чтобы он никогда больше не обращался к нему с такими просьбами.

Он сунул книгу бабушке, но она зевнула и выронила её из рук. Он поднял с пола книгу и опять отдал бабушке. Но она опять выронила её из рук. Нет, раньше она никогда так быстро не засыпала в своём кресле!

«Действительно ли, — думал Гога, — она спит или ей на совещании поручили притворяться?»

Гога дёргал её, тормошил, но бабушка и не думала просыпаться.

А ему так хотелось узнать, что дальше происходит в этой книжке!

В отчаянии он сел на пол и стал рассматривать картинки. Но по картинкам трудно было понять, что там дальше происходит.

Он принёс книгу в класс. Но одноклассники отказывались ему читать. Даже мало того: Маша тут же ушла, а Гриша вызывающе полез под парту.

Гога пристал к старшекласснику, но тот щёлкнул его по носу и засмеялся.

Как дальше быть?

Ведь он так никогда и не узнает, что дальше в книге написано, пока не прочтёт её.

Оставалось учиться.

Читать самому.

Вот что значит домашнее совещание!

Вот что значит общественность!

Он вскорости прочёл всю книгу и много других книг, но по привычке никогда не забывал сходить за хлебом, вымыть пол или посуду.

Вот что интересно!

Кому что удивительно

Танька ничему не удивляется. Она всегда говорит: «Вот уж неудивительно!» — даже если бывает и удивительно. Я вчера на глазах у всех перепрыгнул через такую лужу... Никто не мог перепрыгнуть, а я перепрыгнул! Все удивились, кроме Тани.

— Подумаешь! Ну и что же? Вот уж неудивительно!

Я всё старался её удивить. Но никак не мог удивить. Сколько я ни старался.

Я из рогатки попал в воробышка.

Научился ходить на руках, свистеть с одним пальцем во рту.

Она всё это видела. Но не удивлялась.

Я изо всех сил старался. Что я только не делал! Залезал на деревья, ходил без шапки зимой...

Она всё не удивлялась.

А однажды я просто вышел с книжкой во двор. Сел на лавочку. И стал читать.

Я даже не видел Таньку. А она говорит:

— Удивительно! Вот не подумала бы! Он читает!

Быстрее, быстрее!

Наши шефы, шестой «А», соревновались с шестым «Б» — кто лучше и быстрее поможет одеться в раздевалке своим подшефным. И вот после звонка мы помчались в раздевалку, и тут началось это одевалочное соревнование. Два шестых уже ждали своих первоклассников. Очень строгое жюри устроилось на подоконнике, чтобы лучше видеть. Пятьсотсвечовые лампочки вкрутили дополнительно к дневному свету. Самодельный школьный струнный оркестр расположился невдалеке. Оркестр грянул — и пошло! Ох, что тут было!

Моим шефом был Светик Костров. Он очень волновался. Как только я подбежал к нему, он заорал:

— Давай ногу! Ну! Ногу давай! Суй в ботинок ногу и не рассуждай, малыш! Нужно быстрее! Ты быстрее можешь? Ну! — С трудом он запихивал мою левую ногу в правый ботинок, и я не рассуждал. — Не везёт, вот напасть! — ворчал он и тряс меня за ногу изо всех сил.

Но я держался за вешалку и не падал. Вешалка качалась, и сверху падали шапки.

— Давай другую ногу! Побыстрее! Ну! И не рассуждать!

— Как же я тебе другую ногу дам? — сказал я. — На чём же я тогда стоять буду?

— Не рассуждай, малыш, много ты понимаешь!

— Отпусти мою ту ногу, — сказал я, — тогда я тебе дам эту.

— Ну, быстрее давай, не рассуждай!

Теперь он стал напяливать левый ботинок на мою правую ногу. И я ему сказал об этом.

— Не заметят, — отвечал он, — раньше нужно было говорить, малыш! Не время рассуждать, пойми. Где шапка? Шапка где твоя?

— Да вон Васька её нацепил.

— Чего это он? Ну даёт! Ладно. Некогда тут рассуждать. Бери Васькину! И побыстрее!

— А Васькину вон только что сейчас Пчёлкин надел...

— Хватай тогда Пчёлкина шапку. Быстрой! Где она? Какая? Покажи мне. Вот не ожидал... никак не ожидал, что может так с шапками получиться!

— И Пчёлкиной уже нет, — говорю, — ни одной шапки нет — все расхватали...

— Без шапки иди! На авось! Выручай своего шефа! Что творится! Мы пропали! Проиграли! Вот досада... Э-э-эх! — Он очень суетился и вспотел.

Светик ловко надел на меня пальто, и пальто было тоже чужое. И я сказал ему об этом.

— Не снимать же его, малыш! Где мы тут сейчас найдём другое? Бодрей держись! Не дрейфы! Улыбайся жюри! Как будто ты в своём пальто! Давай!

И я побежал. На авось. Пальто толстяка Вовки Ивина висело на мне мешком. Нестерпимо жали мои собственные ботинки.

— Здравствуйте, — сказал я жюри.

— У тебя с одеждой всё в порядке? — спросил член жюри.

— Так точно, всё в порядке, — сказал я по-военному.

Он смотрел на моё пальто, а я ему улыбался.

— А где шапка? — спросил он.

— А я закалённый, — сказал я, улыбаясь.

— Как это понять?

— Я в школу без шапки пришёл, — сказал я, улыбаясь.

— Ишь ты, предусмотрительный, — сказал член жюри.

— Так точно, предусмотрительный, — сказал я по-военному.

— И всегда ходишь в школу без шапки? — спросил член жюри.

— Всегда, — сказал я, улыбаясь.

— Ишь ты, — повторил член жюри. Он не знал, как со мной поступить: засчитывать или не засчитывать, и внимательно посмотрел на мои ботинки.

— Зашнурованы неплохо, ишь ты!

— Неплохо, — сказал я.

— Так все без шапок придут, — сказал он.

— Придут, — сказал я.

Тогда он сказал (в какой раз!):

— Ишь ты!.. — и добавил: — Иди.

Но другой член жюри спросил:

— Ты своё пальто надел?

В это время подскочил Вовка Ивин в моём пальто. И все члены жюри зароптали на своего придирчивого товарища, чтобы он не задерживал молодцов, которые чуть ли не самыми первыми оказались одетыми. И тогда придирчивый член жюри тоже мне улыбнулся понимающе.

Я нашёл Ваську и сказал ему:

— Побольше бы таких соревнований — тогда бы все мы научились надевать свои собственные вещи быстро, как военные по тревоге.

И Васька согласился.

— Быстрые, Костров, у вас ребятки! — сказал придирчивый член жюри моему шефу.

Светик застеснялся, надо же! Слезу даже смахнул. Подбежал ко мне, руку пожал. И то же самое сказал: «Побольше бы таких соревнований, в другой раз не подкачаем».

— Ни за что не подкачаем в другой раз, — сказал я.

Вдруг объявили: «Представителям шестого «А» вместе с подшефными выйти на середину круга, и пусть ваши ловкие и быстрые ребятки пройдут под гром оркестра, чтобы мы все могли на них полюбоваться».

Самодетельный струнный оркестр из всех своих балалаек грянул марш, а мы зашагали по кругу.

Жали мои ботинки ужасно, а Вовкино пальто болталось на мне и крутилось. С Вовки валилась шапка, и он поминутно её поправлял. И с другими нашими ребятами тоже творилось невозможное. Ведь я был не один в жалком виде.

— Шагай, не рассуждай, малыш, — сказал мне Свет Костров.

Кругом все хохотали.

И тогда мы с Вовкой засмеялись со всеми вместе.

Как я встречал Новый год

Новый год в двенадцать часов приходил, а я в это время всегда уже спал. Прошло столько Новых годов! А я ни одного не видел. И мама, и тётя Вера встречали его, а я спал. Я всегда засыпал перед Новым годом. А просыпался утром, и мама мне дарила подарки и говорила: «Ну вот, Новый год!» Но я-то знал, что он ночью был. А сейчас его нету.

Я спрашивал маму:

— Ты его встретила?

Мама мне говорила:

— Встретила.

— И ты его видела?

Мама смеялась.

— Конечно видела!

— И папа видел, и тётя Вера?

Так мне обидно было!

Я представлял себе Новый год в большой шапке-ушанке и в валенках. Как на новогодней открытке. В двенадцать часов он стучится в дверь. И его все встречают. Все обнимаются с ним, хлопают по плечу Новый год и говорят: «Наконец-то приехал!» Он вытаскивает из мешка подарки, всё дарит, кому что надо, и говорит: «Я спешу. Меня ждут в других квартирах». Все провожают его до угла, потом возвращаются и идут спать. Вот так представлял я себе Новый год.

Как старался я не заснуть в Новый год! И каждый раз засыпал где попало. А просыпался всегда в кровати. И рядом были подарки.

Мой брат раньше меня встретил Новый год. Несмотря на то, что он младше меня. Он вот что сделал. Чтоб не заснуть, он залез под стол. Сначала он там, конечно, заснул, а когда все сели за стол, стало шумно. И он моменталь-

но проснулся. И вы знаете, что он сказал мне? Он мне сказал:

— Его не было.

— Как так не было?! — сказал я.

— Очень просто.

— А ты там не спал под столом? — спросил я.

— Вот ещё! — говорит Котька. — Бой часов был, это верно. А Нового года не было. Как только все стали кричать: «С Новым годом!» — я вылез.

— Кого же тогда вы встречали?

— Новый год, — говорит Котька.

— Как же так вы его встречали? Разве так в жизни бывает? Если ты, например, меня встречаешь, то ты видишь, что ты меня встречаешь. А то как же ты меня встречаешь, если ты меня не встречаешь?

— Сам увидишь, — говорит Котька. — На будущий год увидишь. Никакого там Нового года не будет. Бой часов будет. А Нового года не будет.

— Наверно, ты спал под столом, — говорю, — и сквозь сон слышал бой часов. А Нового года не видел.

— Я не спал, — говорит Котька.

— Значит, спал, — говорю, — раз не видел.

— Ты сам спал, — говорит Котька.

— Я-то спал, — говорю, — но ты тоже спал. Только я спал в кровати, а ты — под столом. Лучше бы ты уж спал в кровати.

— Я не спал, — говорит Котька.

— Почему же тогда ты его не видел?

— Его не было, — говорит Котька.

— Ты просто спал, — говорю, — вот и всё!

На этом наш спор закончился.

Он обиделся и ушёл. И хотя он на меня обиделся, всё равно я думал, что он там спал и не видел Нового года с подарками.

Вот так я себе представлял Новый год, когда был совсем ещё маленький.

Как я помогал маме мыть пол

Я давно собирался пол вымыть. Только мама не разрешала мне. «Не получится, — говорит, — у тебя...»

— Посмотрим, как не получится!

Трах! — опрокинул ведро и пролил всю воду. Но я решил, так даже лучше. Так гораздо удобней мыть пол. Вся вода на полу; тряпкой три — и всё дело. Воды маловато, правда. Комната-то у нас большая. Придётся ещё ведро на пол вылить. Вылил ещё ведро, вот теперь красота! Тру тряпкой, тру — ничего не выходит. Куда же воду девать, чтобы пол был сухой? Без насоса тут ничего не придумать. Велосипедный насос нужно взять. Перекачать воду обратно в ведро.

Но когда спешишь, всё плохо выходит. Воды на полу не убавилось, и в ведре пусто. Наверно, насос испортился.

Придётся теперь с насосом возиться.

Тут мама в комнату входит.

— Что такое, — кричит, — почему вода?

— Не беспокойся, мама, всё будет в порядке. Надо только насос починить.

— Какой насос?

— Чтобы воду качать...

Мама взяла тряпку, смочила в воде, потом выжала тряпку в ведро, потом снова смочила, опять в ведро выжала. И так несколько раз подряд. И воды на полу не стало.

Всё оказалось так просто. А мама мне говорит:

— Ничего. Ты мне всё же помог.

Как мы в трубу лазали

Большущая труба валялась на дворе, и мы на неё с Вовкой сели. Мы посидели на этой трубе, а потом я сказал:

— Давай-ка в трубу полезем. В один конец влезем, а выйдем с другого. Кто быстрее вылезет.

Вовка сказал:

— А вдруг мы там задохнёмся?

— В трубе два окошка, — сказал я, — как в комнате. Ты же в комнате дышишь?

Вовка сказал:

— Какая же это комната, раз это труба. — Он всегда спорит.

Я полез первым, а Вовка считал. Он досчитал до тринадцати, когда я вылез.

— А ну-ка я, — сказал Вовка.

Он полез в трубу, а я считал. Я досчитал до шестнадцати.

— Ты быстро считаешь, — сказал он, — а ну-ка ещё!

И он снова полез в трубу.

Я сосчитал до пятнадцати.

— Совсем там не душно, — сказал он, — там очень прохладно.

Потом к нам подошёл Петька Ящиков.

— А мы, — говорю, — в трубу лазаем! Я на счёте тринадцать вылез, а он на пятнадцати.

— А ну-ка я, — сказал Петя.

И он тоже полез в трубу.

Он вылез на восемнадцать.

Мы стали смеяться.

Он снова полез.

Вылез он очень потный.

— Ну как? — спросил он.

— Извини, — сказал я, — мы сейчас не считали.

— Что же, значит, я даром полз?

Он обиделся, но полез снова.

Я сосчитал до шестнадцати.

— Ну вот, — сказал он, — постепенно получится.

И он снова полез в трубу.

В этот раз он там долго полз. Чуть не до двадцати. Он разозлился, хотел опять лезть, но я сказал:

— Дай другим полезть, — оттолкнул его и полез сам.

Я набил себе шишку и долго полз. Мне было очень больно. Я вылез на счёте тридцать.

— Мы думали, что ты пропал, — сказал Петя.

Потом полез Вовка. Я уже до сорока сосчитал, а он всё не вылезает. Гляжу в трубу — там темно. И другого конца не видно.

Вдруг он вылезает. С того конца, в который влез. Но вылез он головой вперёд. А не ногами. Вот что нас удивило!

— Ух, — говорит Вовка, — чуть не застрял...

— Как это ты повернулся там?

— С трудом, — говорит Вовка, — чуть не застрял...

Мы здорово удивились.

Тут подошёл Мишка Меньшиков.

— Чем вы тут, — говорит, — занимаетесь?

— Да вот, — говорю, — в трубу лазаем. Хочешь полезть?

— Нет, — говорит, — не хочу. Зачем мне туда лазать?

— А мы, — говорю, — туда лазаем.

— Это видно, — он говорит.

— Чего видно?

— Что вы туда лазали.

Глядим мы друг на друга. И вправду видно. Мы все как есть в красной ржавчине. Все как будто заржавели. Просто жуть!

— Ну, я пошёл, — говорит Мишка Меньшиков.

И он пошёл.

А мы больше в трубу не полезли. Хотя мы уже все были ржавые. Нам всё равно уже было. Лезть можно было. Но мы всё равно не полезли.

Неохота всё время пешком ходить

Неохота всё время пешком ходить. Прицепился сзади к грузовику и еду. Вот и школа за поворотом. Только вдруг грузовик быстрее пошёл. Будто нарочно, чтоб я не слез. Школу уже проехали. У меня уже руки держаться устали. И ноги совсем затекли. А вдруг он так целый час будет мчаться?

Пришлось в кузов забраться. А в кузове мел был какой-то насыпан. Я в этот мел и упал. Такая пыль поднялась, что я чуть не задохся. Сажусь на корточках. За борт машины держусь руками. Трясёт

вовсю! Боюсь, шофёр меня заметит — ведь сзади в кабине окошечко есть. Но потом понял: он не увидит меня — в такой пыли трудно меня увидеть.

Уже за город выехали, где дома новые строят. Здесь машина остановилась. Я сейчас же выпрыгнул — и бежать.

Хотелось всё же в школу успеть, несмотря на такой неожиданный поворот дела.

На улице все на меня смотрели. Даже пальцем показывали. Потому что я весь белый был. Один мальчишка сказал:

— Вот здорово! Это я понимаю!

А одна девочка маленькая спросила:

— Ты настоящий мальчик?

Потом собака чуть не укусила меня...

Не помню уж, сколько я шёл пешком. Только к школе когда подходил, все из школы уже выходили.

Путешественник

Я твёрдо решил в Антарктиду поехать. Чтоб закалить свой характер. Все говорят, бесхарактерный я: мама, учительница, даже Вовка. В Антарктиде всегда зима. И совсем нет лета. Туда только самые смелые едут. Так Вовкин папа сказал. Вовкин папа там был два раза. Он с Вовкой по радио говорил. Спрашивал, как живёт Вовка, как учится. Я тоже по радио выступлю. Чтобы мама не волновалась.

Утром я вынул все книжки из сумки, положил туда бутерброды, лимон, будильник, стакан и футбольный мяч. Наверняка морских львов там встречу, — они любят мяч на носу вертеть. Мяч не влезал в сумку. Пришлось выпустить воздух.

Наша кошка прогуливалась по столу. Я её тоже сунул в сумку. Еле-еле всё поместилось.

Вот я уже на перроне. Свистит паровоз. Как много народу едет! Можно сесть на какой угодно поезд. В конце концов, можно всегда пересесть.

Я влез в вагон, сел где посвободней.

Напротив меня спала старушка. Потом со мной сел военный. Он сказал: «Привет соседям!» — и разбудил старушку.

Старушка проснулась, спросила:

— Мы едем? — и снова уснула.

Поезд тронулся. Я подошёл к окошку. Вот наш дом, наши белые занавески, наше бельё висит на дворе... Уж не видно нашего дома. Мне стало сначала

немножко страшно. Но это только сначала. А когда поезд пошёл совсем быстро, мне как-то даже весело стало! Ведь еду я закалять характер!

Мне надоело смотреть в окно. Я снова сел.

— Тебя как зовут? — спросил военный.

— Саша, — сказал я чуть слышно.

— А что же бабушка спит?

— А кто её знает!

— Куда путь держишь?

— Далеко...

— В гости?

— Угу...

— Надолго?

Он со мной разговаривал как со взрослым и за это очень понравился мне.

— На пару недель, — сказал я серьёзно.

— Ну что же, неплохо, — сказал военный, — очень даже неплохо.

Я спросил:

— Вы не в Антарктиду?

— Пока нет. Ты в Антарктиду хочешь?

— Откуда вы знаете?

— Все хотят в Антарктиду.

— И я хочу.

— Ну вот видишь!

— Видите ли... я решил закаляться...

— Понимаю, — сказал военный, — спорт, коньки...

— Да нет...

— Теперь понимаю — кругом пятёрки!

— Да нет... — сказал я. — Антарктида...

— Антарктида? — переспросил военный.

Военного кто-то позвал сыграть в шашки. И он ушёл в другое купе.

Проснулась старушка.

— Не болтай ногами, — сказала старушка.

Я пошёл посмотреть, как играют в шашки.

Вдруг... я не поверил даже — на встречу шла Мурка. А я и забыл про неё! Как она смогла вылезти из сумки?

Она побежала назад — я за ней. Она забралась под чью-то полку — я тоже сейчас же полез под полку.

— Мурка! — кричал я. — Мурка!

— Что за шум? — закричал проводник. — Почему здесь кошка?

— Это кошка моя.

— С кем этот мальчик?

— Я с кошкой...

— С какой кошкой?

— С моей.

— Он с бабушкой едет, — сказал военный, — она здесь рядом в купе.

Проводник повёл меня прямо к старушке.

— Этот мальчик с вами?

— Он с командиром, — сказала старушка.

— Антарктида... — вспомнил военный. — Всё ясно... Понимаете ли, в чём тут дело: этот мальчик решил махнуть в Антарктиду. И вот он взял с собой кошку... И ещё что ты взял с собой, мальчик?

— Лимон, — сказал я, — и ещё бутерброды...

— И поехал воспитывать свой характер?

— Какой плохой мальчик! — сказала старушка.

— Безобразие! — подтвердил проводник.

Потом почему-то все стали смеяться. Даже бабушка стала смеяться. У неё из глаз даже слёзы пошли. Я не знал, что все надо мной смеются, и потихоньку тоже смеялся.

— Бери кошку, — сказал проводник. — Ты приехал. Вот она, твоя Антарктида!

Поезд остановился.

Неужели, думаю, Антарктида? Так скоро?

Мы сошли с поезда на перрон. Меня посадили на встречный поезд и повезли домой.

Мы играем в Антарктиду

Мама куда-то ушла из дому. И мы остались одни. И нам стало скучно.

Мы перевернули стол. Натянули на ножки стола одеяло. И получилась палатка. словно мы в Антарктиде. Там, где сейчас наш папа.

Мы с Витькой влезли в палатку.

Мы были очень довольны, что вот мы с Витькой сидим в палатке, хотя и не в Антарктиде, но как будто бы в

Антарктиде, и вокруг нас льды и ветер. Но нам надоело сидеть в палатке.

Витька сказал:

— Зимовщики не сидят так всё время в палатке. Они, наверное, что-нибудь делают.

— Наверняка, — сказал я, — они ловят китов, тюленей и что-нибудь ещё делают. Конечно, они не сидят так всё время!

Вдруг я увидел нашу кошку. Я закричал:

— Вот тюлень!

— Ура! — крикнул Витька. — Хватай его! — Он тоже увидел кошку.

Кошка шла нам навстречу. Потом остановилась. Внимательно посмотрела на нас. И побежала обратно. Ей не хотелось быть тюленем. Она хотела быть кошкой. Я это сразу понял. Но что мы могли поделаться! Мы ничего не могли поделаться. Надо же нам ловить кого-то! Я побежал, споткнулся, упал, поднялся, но кошки уже нигде не было.

— Она здесь! — орал Витька. — Беги сюда!

Из-под кровати торчали Витькины ноги. Я полез под кровать. Там было темно и пыльно. Но кошки там не было.

— Я вылезаяю, — сказал я. — Здесь кошки нет.

— Здесь она, — доказывал Витька. — Я видел, она побежала сюда.

Я вылез весь пыльный и стал чихать. Витька всё под кроватью возился.

— Она там, — твердил Витька.

— Ну и пусть, — сказал я. — Я туда не полезу. Я целый час там сидел. С меня хватит.

— Подумаешь! — сказал Витька. — А я?! Я больше тебя здесь лазаю.

Наконец Витька тоже вылез.

— Вот она! — крикнул я.

Кошка сидела на кровати.

Я чуть было её не схватил за хвост, но Витька толкнул меня, кошка прыг —

и на шкаф! Попробуй её достань со шкафа!

— Какой же это тюлень, — сказал я. — Тюлень разве может сидеть на шкафу?

— Пусть это будет пингвин, — сказал Витька. — Как будто бы он сидит на льдине. Давай будем свистеть и кричать. Он тогда испугается. И со шкафа прыгнет. На этот раз мы пингвина схватим.

Мы стали орать и свистеть что есть мочи. Я, правда, свистеть не умею. Свистел только Витька. Зато я орал во всё горло. Чуть не охрип.

А пингвин будто не слышит. Очень хитрый пингвин. Притаился там и сидит.

— Давай, — говорю, — в него что-нибудь кинем. Ну, хотя бы подушку кинем.

Кинули мы на шкаф подушку.

А кошка оттуда не прыгнула.

Тогда мы на шкаф закинули ещё три подушки, мамино пальто, все мамины платья, папины лыжи, кастрюльку, папины и мамины домашние туфли, много книг и ещё много всего. А кошка оттуда не прыгнула.

— Может быть, её нет на шкафу? — сказал я.

— Там она, — сказал Витька.

— Как же там, раз её там нет?

— Не знаю! — говорит Витька.

Витька принёс таз с водой и поставил его у шкафа. Если вздумает кошка со шкафа прыгнуть, пусть прямо в таз прыгает. Пингвины любят в воду нырять.

Мы ещё кое-что покидали на шкаф. Подождали — не прыгнет ли? Потом

подставили к шкафу стол, на стол стул, на стул чемодан и на шкаф полезли.

А там кошки нет.

Исчезла кошка. Неизвестно куда.

Стал Витька со шкафа слезать и прямо в таз плюхнулся. Воду разлил по всей комнате.

Тут мама входит. А за ней наша кошка. Она, видимо, в форточку прыгнула.

Мама всплеснула руками и говорит:

— Что здесь происходит?

Витька так и остался в тазу сидеть. До того напугался.

— До чего удивительно, — говорит мама, — что нельзя их оставить одних на минутку. Нужно же натворить такое!

Нам, конечно, пришлось убирать всё самим. И даже пол мыть. А кошка важно ходила вокруг. И посматривала на нас с таким видом, как будто бы собиралась сказать: «Вот, будете знать, что я кошка. А не тюлень и не пингвин».

Через месяц приехал наш папа. Он рассказал нам про Антарктиду, про смелых полярников, про их большую работу, и нам было очень смешно, что мы думали, будто зимовщики только и делают, что ловят там разных китов и тюленей...

Но мы никому не сказали о том, что мы думали.

Две шапки

Когда моя мама куда-нибудь отлучается, Вовка приходит ко мне, а когда его мама куда-нибудь отлучается, я к нему прихожу. И мы что-нибудь делаем.

Один раз мы с ним сидим, в окно смотрим, а за окном дождь идёт.

Я говорю:

— Давай что-нибудь делать.

А Вовка говорит:

— Чего?

— Что-нибудь будем делать, — говорю.

— Давай, — говорит Вовка.

— А чего будем делать?

— Не знаю.

— И я не знаю.

Мы посидели, подумали, посмотрели, как дождь идёт, посмотрели, как люди ходят под дождём, но ничего не придумали.

Очень сложно что-нибудь делать, когда делать нечего.

Вдруг я как заору:

— Придумал!

— Чего придумал? — спрашивает Вовка.

— Давай шапки стирать!

— Какие шапки?

Я весь шкаф перерыл, пока шапку нашёл. А Вовка смотрел и всё спрашивал: «Ты умеешь стирать? Ты умеешь стирать?»

— Да чего тут уметь, — говорю. — Гляди! меховая, лохматая! Кое-где, правда, потёрлась. Вокруг головы. А так почти новая шапка. Только сзади прореха. И спереди. И дыра сбоку. Не так чтоб большая дыра. Но заметно. Когда очень близко подходишь. А издалека не видно. Хоть целый день смотри. Скоро лето. Потом будет осень. А после зима. Постираем мы наши шапки. Зима подойдёт. И мы будем ходить в чистых шапках!

— У меня ведь с собой нет шапки, — говорит Вовка.

— А это что?

— Это фуражка.

— Сначала мою, — говорю, — постираем, а потом твою постираем.

— Зачем мою стирать? Мою не надо стирать, — говорит Вовка.

— Совершенно грязная шапка, — говорю. — Противно смотреть! На твоём месте я постыдился бы появляться в обществе в такой шапке.

— Я ни в каком обществе не появляюсь, — говорит Вовка.

— А на улице, по-твоему, удобно появляться?

— Ну ладно, — говорит Вовка, — твою постираем, а потом мою постираем.

Положил я шапку в корыто. Воды налил. Засучил рукава. Стал мылить шапку.

Вовка мне помогал. Мы её по очереди мылили до тех пор, пока мыло всё не измылилось.

Дальше стали её полоскать. Мы полоскали её, полоскали, а потом из корыта вынули и стали её мыть под краном. Чтоб всё мыло из шапки вышло. В корыте вода и так мыльная. Всё мыло обратно в шапку лезет.

Мы её под краном, наверное, целый час мыли. Ухо одно оторвали. Кое-где мех общипали. И дыру сбоку расширили. А так здорово вымыли. Вся как есть чистая стала. Оставалось только сушить.

Вдруг Вовка мне говорит:

— Она, когда высохнет, на голову не полезет.

Я здорово испугался, что она потом не полезет на мою голову, и говорю:

— Что же ты раньше мне не сказал?

— Я только сейчас вспомнил.

— Почему же ты раньше не вспомнил?

— Не мог. Это не от меня зависит.

— А от кого же это зависит?

— От памяти.

— Ну и память у тебя!

— Память у меня неважная, это верно, — говорит он.

Вот что значит память! Разве я бы стирал свою шапку, знай, что так всё получится? А он всё знал и забыл. Остаётся надеть шапку мокрой. Пусть сохнет на голове.

Мы с Вовкой выжали шапку как следует, я надел её, и мы пошли играть в шашки. Хотя мы выжимали шапку вовсю, воды в ней осталось много.

Вода текла по лицу и за шиворот. Но я терпел. Другие люди в более тяжёлые условия попадают. И ничего. Выдерживают.

Я спокойно играл с Вовкой в шашки, а шапку свою не снимал. Мы сыграли с ним несколько партий. Иногда я мотал головой, и брызги летели во все стороны. Подкладка линяла, и брызги были чернильные. Вовка ёжился и ругался. Вдруг мне пришла в голову

мысль такая: «А вдруг, когда она высохнет, с головы не слезет?» Я даже вертеть головой перестал. Хотел Вовку спросить об этом, но мне как-то неудобно стало его обо всём спрашивать, как будто я сам ничего не знаю. Как будто бы он в жизни больше меня понимает. И я молча сидел и думал. Я думал о многом: о том, сколько времени будет сохнуть моя шапка, о том, как я буду спать в этой шапке, поскольку она сегодня не высохнет, о том, стирают ли шапки вообще, и если стирают, то неужели вот так сидят в мокрых шапках и ждут, когда они высохнут?

Я вспоминал все шапки, какие мне приходилось видеть, представил многих людей в моём положении и почему-то стал сомневаться в том, что шапки вообще кто-нибудь стирает и сушит их таким образом. Я, например, вспомнил шапку папиного знакомого, директора театра, маминого знакомого, учёного... Или, может быть, есть особенные приспособления, этикие болванки, куда натягивают мокрую шапку и сушат её, может быть, посредством какой-нибудь электрической сушилки? Я представил себе целый ряд этих болванок, на которых торчат различные шапки, и мне стало очень тоскливо, будто я какая-ни-

будь болванка, а не Петя Ящиков, ученик первого класса...

— Ну как, — спросил Вовка, — сохнет?

— Неважно, — говорю, — сохнет.

— И чего, — говорит, — тебе в голову пришло эту шапку стирать?

— А тебе чего-нибудь в голову пришло? — говорю.

— Мне ничего не пришло, — говорит Вовка.

— Тогда нечего на других говорить, раз самому ничего в голову не пришло.

Вдруг я вспомнил про Вовкину шапку.

Я встал и сказал:

— Вот что, Вовка, давай твою шапку стирать.

— Ну нет, — говорит Вовка, — я свою шапку стирать не буду.

— Как это так не будешь?

— Моя шапка, — говорит Вовка, — хочу стираю, хочу не стираю.

Я разозлился и говорю:

— Я свою шапку стирал?

— Стирал, — говорит Вовка.

— И ты свою тоже стирай!

— Нет, — говорит Вовка, — свою шапку стирать не буду. Мало ли что я хотел! Сейчас совсем другая ситуация.

— Какая это ещё другая ситуация? Ишь ты какой! При одной ситуации

хочешь стирать, а при другой не хочешь? А я, по-твоему, при всех ситуациях должен стирать? — схватил я его и держу. — Стирай, — говорю, — свою шапку!

А он вырывается и орёт:

— Не буду! Не буду!

Тогда я его отпустил и говорю:

— Это просто нечестно. Не по-товарищески.

А он надевает свою нестираную шапку и уходит. И на прощание говорит:

— Ты был мой лучший друг. Мне с тобой не хотелось ссориться. Но раз так, я уйду. До свидания, Петя!

И он уходит. И даже хлопает дверью.

А я остаюсь сидеть. В своей мокрой шапке.

Ну, разве это товарищ? Какой же это товарищ! Нет, это не по-товарищески.

Секрет

У нас от девчонок секреты. Мы ни за что на свете не доверяем им свои секреты. Они по всему свету могут разболтать любую тайну. Даже самую важную государственную тайну они могут разболтать. Хорошо, что им этого не доверяют!

У нас, правда, нет таких важных секретов, откуда нам взять их! Так мы их сами придумали. У нас был такой секрет: мы зарыли в песок пару пулек и никому не сказали об этом. Был ещё секрет: мы собирали гвозди.

Например, я собрал двадцать пять самых разных гвоздей, но кто знал об этом? Никто! Я никому не проболтался. Сами понимаете, как нам трудно приходилось! Через наши руки прошло столько секретов, что я даже не помню, сколько их было. И ни одна девчонка не узнала ничего. Они ходили и косились на нас, разные кривляки, и только о том и думали, чтобы выудить у нас наши тайны. Хотя они у нас ни разу ни о чём не спрашивали, но это ведь ничего не значит! До чего хитрые всё-таки!

А вчера я хожу по двору с нашей тайной, с нашим новым замечательным секретом и вдруг вижу Ирку. Я прошёл

мимо несколько раз, и она на меня покосилась. Я ещё походил по двору, а потом подошёл к ней и тихо вздохнул. Я нарочно несильно вздохнул, чтобы она не подумала, что я специально вздохнул. Я ещё раза два вздохнул, она опять только покосилась, и всё. Тогда я перестал вздыхать, раз никакого от этого толку нету, и говорю:

— Если бы ты знала, что я знаю, ты бы прямо здесь, на месте, провалилась.

Она опять покосилась на меня и говорит:

— Не беспокойся, — отвечает, — не провалюсь, как бы ты сам не провалился.

— А мне-то чего, — говорю, — проваливаться, мне-то нечего проваливаться, раз я тайну знаю.

— Тайну? — говорит. — Какую тайну?

Смотрит на меня и ждёт, когда я ей начну рассказывать про тайну.

А я говорю:

— Тайна есть тайна, и не для того она существует, чтобы каждому эту тайну разбалтывать.

Она почему-то разозлилась и говорит:

— Тогда уходи отсюда со своими тайнами!

— Ха, — говорю, — вот ещё не хватало! Твой двор это, что ли?

Мне прямо смешно даже стало. Вот ведь до чего докатились!

Мы постояли, постояли, потом вижу — она снова косится.

Я сделал вид, что уйти собрался. И говорю:

— Ладно. Тайна при мне останется. — И усмехнулся так, что она поняла, что это значит.

Она голову даже ко мне не повернула и говорит:

— Нету у тебя никакой тайны. Если у тебя какая-нибудь тайна была бы, ты бы давно уже рассказал, а раз ты не рассказываешь, значит, ничего такого нету.

Что, думаю, она такое говорит? Ерунду какую-то? Но, честно говоря, я немножко растерялся. И правда, ведь могут мне не поверить, что у меня есть какая-то тайна, раз, кроме меня, никто не знает о ней. У меня в голове здорово всё перемешалось. Но я сделал вид, что у меня там ничего не перемешалось, и говорю:

— Очень жалко, что тебе доверять нельзя. А то бы я тебе всё рассказал. Но ты можешь оказаться предательницей...

И тут я вижу, она опять на меня одним глазом косится.

Я говорю:

— Дело тут не простое, ты это, надеюсь, прекрасно понимаешь, и обижаться по всякому поводу, я думаю, не стоит, тем более если бы это был не секрет, а какой-нибудь пустяк и если бы я тебя знал получше...

Говорил я долго и много. Почему-то у меня такое желание появилось — долго и много говорить. Когда я кончил, её рядом не было.

Она плакала, прислонившись к стене. Её плечи дрожали. Я слышал всхлипывания.

Я сразу понял, что она ни за что на свете не может оказаться предательницей. Она как раз тот человек, которому спокойно можно всё доверить. Я это сразу понял.

— Видишь ли... — сказал я, — если ты... дашь слово... и поклянёшься...

И я ей рассказал весь секрет.

На другой день меня били.

Она разболтала всем...

Но самое главное было не то, что Ирка оказалась предательницей, не то, что секрет был раскрыт, а то, что потом мы не могли придумать ни одного нового секрета, сколько мы ни старались.

Привычка

Не успели приехать в пионерлагерь, а уже тихий час! Не хочется человеку спать — так нет, спи, хочешь не хочешь! Как будто мало спать ночью — ещё днём спи. Тут бы пойти искупаться в море — так нет, лежи да ещё глаза закрой. Книжку и то почитать нельзя. Стал я напевать чуть слышно. Напевал, напевал и заснул. За ужином думаю: «Ага, вот оно что: чтоб заснуть, нужно что-нибудь спеть. Иначе никак не уснёшь».

На другой день я как только лёг, так сейчас же тихонечко и запел. Я даже сам не заметил, как стал так громко петь, что прибежал наш вожатый Витя.

— Это что ещё за певец такой?

Я ему отвечаю:

— Я иначе уснуть не могу, вот поэтому и напеваю.

Он говорит:

— А если все запоют, тогда что будет?

— Ничего, — говорю, — не будет.

— Тогда сплошное пение будет, а не сон.

— А может быть, тогда все уснут?

— Ты не выдумывай чепуху, а закрой глаза и спи.

— Не могу я без песни спать, у меня без этого глаза не закроются.

— Закроются, — говорит, — вот увидишь.

— Нет, не закроются, я себя знаю.

— У всех ребят закрываются, а почему у тебя не закроются?

— Потому что я так привык.

— А ты попробуй не вслух пой, а про себя. Тогда ещё скорее уснёшь и товарищей не разбудишь.

Стал я петь про себя, пел разные песни и незаметно уснул.

На другой день мы на море пошли. Купались, в разные игры играли. Потом на винограднике работали. И я перед сном забыл песню спеть. Как-то сразу уснул. Совершенно внезапно. Совсем неожиданно.

Вот это да!

Как я писал стихи

Иду я как-то по пионерлагерю и в такт напеваю что попало. Замечаю — получается в рифму.

Вот, думаю, новость! Талант у меня открылся.

Побежал я к редактору стенгазеты.

Женька-редактор пришёл в восторг:

— Замечательно, что ты стал поэтом!

Пиши и не зазнавайся.

Я написал стихотворение о солнце:

Льётся солнца луч
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

— Сегодня с утра идёт дождь, — сказал Женька, — а ты пишешь о солнце. Поднимется смех и всё такое. Напиши о дожде. Мол, не беда, что дождь, мы всё равно бодры и всё такое.

Стал я писать о дожде. Правда, долго не получалось, но наконец получилось:

Льётся дождь
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

— Не везёт тебе, — говорит Женька, — дождь-то кончился — вот беда! И солнце пока не показалось.

Сел я писать о средней погоде. Тоже сразу не выходило, а потом вышло:

Ничто не льётся
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

Женька-редактор мне говорит:

— Смотри, вон солнце опять показалось.

Тогда я сразу понял, в чём дело, и на другой день принёс такое стихотворение:

Льётся солнца луч
На голову мне,
Льётся дождь
На голову мне,
Ничто не льётся
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

Крути снежные вертя

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя... —

орал я на весь дом.

Я отложил книжку в сторону и с выражением прочёл:

Кроя мглою бурю кроет,
Крути снежные вертя...

Что-то не то. Я опять начал снова:

Буря мглою...

Я забыл вдруг, что буря кроет. Я стал думать и вскоре вспомнил. Я так обрадовался, что начал снова:

Буря кроет небо мглоет...

МГЛОЕТ? Что это такое? Мне стало не по себе. Такого, по-моему, не было. Я поглядел в книжку. Ну так и есть! МГЛОЕТА нету!

Я стал читать, глядя в книжку. Всё получалось как в книжке. Но как только я закрыл книжку, я вдруг прочёл:

Утро воеет небо могилую...

Это было совсем не то. Я это сразу понял. Я всегда вижу, когда не то. Но в чём тут дело, в конце концов? Почему я никак не запомню?

— Не нужно зубрить, — сказал старший брат, — разберись, в чём там дело.

Я стал разбираться: значит, буря покрывает небо своей мглою и в то же время крутит что есть силы снежные вихри.

Я закрыл книжку и чётко прочёл:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Больше я не ошибался.

Как-нибудь...

«Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь. Его лошадка, снег почуя, плетётся рысью как-нибудь...»

Кто не знает это знаменитое стихотворение!

Володя Полуянов, ленивый мальчик, тоже знал эти строки. Лёжа утром в своей постели, торжествуя по поводу приближения весенних каникул, он переделывал стих на все лады.

Родителям надоело упрашивать его вставать в школу, они махнули рукой на своего сына, оставили ему завтрак на столе, а сами ушли на работу.

Он всегда опаздывал в школу.

А в этот раз решил совсем не идти.

— Весна. Володя, торжествуя, по лужам обновляет путь. Дружок, каникулы почуя, с ним вместе скачет как-нибудь...

Володя вздохнул: каникулы начинались завтра.

— Мы, торжествуя, в кино могли бы завернуть. Дружок, Дружок, ты, протестуя, поменьше лай уж как-нибудь!

Дружок всю лаял, видя своего молодого хозяина до сих пор в кровати.

— Весна, весна! Тебя люблю я! Зачем за партой спину гнуть? Когда спо-

койненько могу я часок-другой пока заснуть.

Но спать не хотелось. Вставать тоже не хотелось. Было желание полежать.

— ...Ещё зевну я. Каникул ждать — какая жуть! Но ничего! Свободы действий дождёмся лёжа как-нибудь...

Он зевнул.

Пёс залаял.

Володя бросил в него подушкой.

Пёс заскулил.

Володя сочинил:

— Весна! Подушку в пса кидая и без подушки оставаясь, я пролежу уж как-нибудь...

Тогда Дружок, окончательно выйдя из себя, неожиданно стянул с Володи одеяло.

У всех терпение кончается.

У собак, между прочим, тоже.

Если бы

Второклассник Гена послал свой рисунок на конкурс.

Всему классу он заявил по такому случаю:

— Скоро я получу премию, тогда вы все запоёте!

Некоторые девочки по такому случаю новые банты завязали. Некоторые ребята предлагали свои услуги, всячески заискивали перед ним. Боялись, как бы в будущем им не пришлось запеть. Один мальчишка донёс ему портфель до дому. Правда, им было по дороге, но

всё-таки. Таких ребят оказалось мизерное количество. Один, два, три. В основном ребята на его слова особенного внимания не обратили. Получи ещё! Потом стражай. И хвастайся. Хотя в любом случае этого делать не стоит.

Гена несколько не сомневался в своём успехе. Иначе бы он не пугал одноклассников. Тем более по рисованию он имел хорошие оценки. Стенгазету рисовал без посторонней помощи. Раза два его видели с самоучителем по рисованию в руках.

Он был уверен. Наступит день! Все ещё непременно запоют! Все емужимают руки, хвалят и обнимают. Целуют и гладят по голове. Рисунок его помещают на самом видном месте. Громадными печатными буквами пишут: ГЕНА ЯЩИКОВ ЗАВОЕВАЛ... НАГРАЖДАЕТСЯ... Ценный подарок дадут. На, носи, скажут, держи, не ломай, не теряй, береги. Но не в подарке дело! В награждении. В почёте. Главное, чтобы стоящая вещь была, а остальное всё ерунда. В таких случаях обычно фотоаппаратами награждают. Вон Димке за то, что кроссворд отгадал, аппарат дали. Он кошку в гардеробе снял, Внукова и Христовокова. Если бы он меня снял, я его тоже бы снял. А раз он меня не снял, я его тоже снимать не буду... А вдруг дадут такое, что мне не нужно?

Спрашивали бы награждённых: «Что вы хотите?» Мне, например, давно хочется обезьянку. Я бы её в класс притащил, на своё место за парту посадил, а сам бы под парту спрятался. Вместо меня на парте сидит, а меня нету. На всю школу, наверное бы, прославился.

А то ещё книги дадут, да я их не читаю.

А то ещё цветы, да я их не люблю.

А то ещё... А то ещё...

Ему не дали ничего.

Он забыл одно важное обстоятельство: другие дети тоже рисовали. Они тоже посылали рисунки на этот же самый конкурс. Вот если б он был один... Тогда он непременно получил бы все премии, начиная с первой, кончая третьей, не исключая поощрительных.

Тогда не с кем было бы сравнивать.

И весь Генин класс сразу бы хором запел.

Премия

Оригинальные мы смастерили костюмы — ни у кого таких не будет! Я буду лошадей, а Вовка рыцарем. Только плохо, что он должен ездить на мне, а не я на нём. И всё потому, что я чуть младше. Видите, что получается! Но ничего не поделаешь. Мы, правда, с ним договорились: он не будет на мне всё время ездить. Он немножко на мне поедет, а потом слезет и будет меня за собой водить, как лошадей за уздечку водят.

И вот мы отправились на карнавал. Пришли в клуб в обычных костюмах, а потом переоделись и вышли в зал. То есть мы въехали. Я полз на четвереньках. А Вовка сидел на моей спине. Правда, Вовка мне помогал — по полу перебирал ногами. Но всё равно мне было нелегко.

К тому же я ничего не видел. Я был в лошадиной маске. Я ничего совершенно не видел, хотя в маске и были дырки для глаз. Но они были где-то на лбу. Я полз в темноте. Наткнулся на чьи-то ноги. Два раза налетал на колонну. Да что и говорить! Иногда я встряхивал головой, тогда маска съезжала, и я видел свет. Но на

какой-то миг. А потом снова сплошная темень. Ведь не мог я всё время трясти головой!

Я хоть на миг видел свет. Зато Вовка совсем ничего не видел. И всё

меня спрашивал, что впереди. И просил ползти осторожнее. Я и так полз осторожно. Сам-то я ничего не видел. Откуда я мог знать, что там впереди! Кто-то ногой наступил мне на руку. Я сейчас же остановился. И отказался дальше ползти. Я сказал Вовке:

— Хватит. Слезай.

Вовке, наверное, понравилось ездить, и он не хотел слезать. Говорил, что ещё рано. Но всё же он слез, взял меня за уздечку, и я пополз дальше. Теперь мне уже было легче ползти, хотя я всё равно ничего не видел.

Я предложил снять маски и взглянуть на карнавал, а потом надеть маски снова. Но Вовка сказал:

— Тогда нас узнают.

Я вздохнул и пополз дальше.

— Наверное, весело здесь, — сказал я. — Только мы ничего не видим...

Но Вовка шёл молча. Он твёрдо решил терпеть до конца. Получить первую премию.

Мне стало больно коленкам. Я сказал:

— Я сейчас сяду на пол.

— Разве лошади могут сидеть? — сказал Вовка. — Ты с ума сошёл! Ты же лошадь!

— Я не лошадь, — сказал я. — Ты сам лошадь.

— Нет, ты лошадь, — ответил Вовка. — И ты знаешь прекрасно, что ты лошадь. Мы не получим премии!

— Ну и пусть, — сказал я. — Мне надоело.

— Не делай глупостей, — сказал Вовка. — Потерпи.

Я подполз к стене, прислонился к ней и сел на пол.

— Ты сидишь? — спросил Вовка.

— Сижу, — сказал я.

— Ну ладно уж, — согласился Вовка. — На полу ещё можно сидеть. Только смотри не сядь на стул. Тогда всё пропало. Ты понял? Лошадь — и вдруг на стуле!..

Кругом гремела музыка, смеялись.

Я спросил:

— Скоро кончится?

— Потерпи, — сказал Вовка, — наверное, скоро...

Вовка тоже не выдержал. Сел на диван. Я сел рядом с ним. Потом Вовка заснул на диване. И я заснул тоже.

Потом нас разбудили и дали нам премию.

Пара пустяков

Как только учебный год кончился, весь класс во дворе собрался. Обсуждали, что будут летом делать. Все разное говорили. А Володя сказал:

— Давайте Анне Петровне письма напишем. Где кто будет, оттуда напишет. О том, что увидел летом. Как провёл время.

Все закричали:

— Правильно! Правильно!

На том и порешили.

Разъехались все кто куда. Клим в деревню поехал. Он там сразу письмо написал — пять страниц.

Он написал:

«Я в деревне спасал тонущих. Они все остались довольны. Один спасённый мне сказал: «Если б не ты, я бы утонул». А я ему сказал: «Для меня это пара пустяков». А он сказал: «А для меня не пара пустяков». Я сказал: «Конечно, для тебя не пара пустяков, а для меня пара пустяков». Он сказал: «Спасибо тебе большое». Я сказал: «Совсем не за что, потому что для меня это пара пустяков».

Я спас человек пятьдесят или сто. Даже, может быть, больше. А после

они перестали тонуть, и спасать стало некого.

Тогда я увидел лопнувший рельс. И остановил целый поезд. Люди выбежали из вагонов. Они обнимали меня и хвалили. А многие целовали. Многие просили мой адрес, и я им давал свой адрес. Многие дали свои адреса, и я брал с удовольствием их адреса. Многие мне предлагали подарки, но я сказал: «Только, прошу вас, без этого». Многие меня фотографировали, со многими я фотографировался, многие мне предлагали ехать сейчас же с ними, но бабушку я не мог оставить. Я ведь не предупредил её!

Потом я увидел горящий дом. Он горел вовсю. А дыму было сколько угодно. «Вперёд! — сказал я сам себе. — Непременно там кто-нибудь есть!»

Кругом меня падали балки. Несколько балок упало сзади меня, а несколько впереди. Несколько балок упало сбоку. Одна балка упала мне на плечо. Две или три балки упали с другого бока. Пять балок упало мне прямо на голову. Несколько балок ещё где-то упало. Но я не обращал внимания. Я рыскал по всему дому. Но никого, кроме кошки, там не было. Я выбежал с кошкой на улицу. Хозяева дома были тут. В руках они держали арбузы.

«Спасибо за Мурку, — сказали они. — Мы только что из продмага».

Они дали мне один арбуз. Потом все тушили дом...

Потом я увидел старушку. Она переходила улицу. Я сейчас же пошёл ей навстречу.

«Разрешите, пожалуйста, — сказал я, — перевести вас на другую сторону».

Я перевёл её на ту сторону и вернулся обратно. Подошли ещё старушки. Их тоже я перевёл на ту сторону. Некоторым старушкам не нужно было на ту сторону. Но я говорил: «Пожалуйста,

я переведу вас туда и обратно. И вы снова будете на этой стороне».

Они все говорили мне: «Если бы не ты, мы не перешли бы». А я говорил: «Для меня это пара пустяков».

Две или три старушки не хотели переходить. Они просто сидели на лавочке. И смотрели на ту сторону. Когда я спросил, не нужно ли им на ту сторону, они сказали: «Нам туда не нужно». А когда я сказал, почему бы им не прогуляться, они сказали: «Действительно, почему бы нам не прогуляться?» Я их всех перевёл на ту сторону. Они там сели на лавочку. Обратно они не хотели идти. Как я их ни упрасивал».

Клим много всего написал. Он был очень доволен своим письмом. И отправил письмо по почте.

Потом лето кончилось. Начались занятия. На уроке Анна Петровна сказала:

— Очень многие написали мне письма. Хорошие, интересные письма. Некоторые я вам прочту.

«Сейчас начнётся, — думал Клим. — В моём письме много геройских поступков. Все будут хвалить меня и восхищаться».

Анна Петровна прочла много писем.

А его письма не прочла.

«Ну, тут всё ясно, — подумал Клим. — Письмо в газету отправили. Там его напечатают. Может быть, будет мой портрет. Все скажут: „Ой, это он! Смотрите!” А я скажу: „Ну и что же? Для меня это пара пустяков”».

В любом деле нужно уметь работать

У нас в школе открылась секция бокса. Туда записывали самых смелых. Подающих надежды. Я сейчас же пошёл записаться, потому что давно подавал надежды. Так все ребята считали. После того как я хотел Мишку стукнуть и промахнулся. И кулаком попал в стенку. И кусок штукатурки отбил. Все тогда удивились. «Вот так дал! — говорят. — Вот это удар!» Я всё ходил с распухшей рукой и всем показывал: «Видишь? Вот у меня удар какой! Не выдерживает рука. А то я, пожалуй, и стенку пробил бы!» — «Насквозь?» — удивлялись ребята.

С тех пор за мной пошла слава сильнейшего. Даже после того, как рука прошла. И показывать было нечего.

И вот я пришёл первым в секцию. И записался. И ещё ребята пришли. И Мишка тоже записался.

Начались занятия.

Я думал, нам сразу наденут перчатки и мы будем драться друг с другом. Я всем дам нокаут. Все скажут: «Вот это боксёр!» А тренер скажет: «Эге, да ты чемпионом будешь! Надо тебе шоколад больше есть. Мы попросим у

государства, чтоб государство тебя бесплатно кормило. Шоколадом и разными там сладостями. Раз такой редкий талант появился».

Но тренер не дал перчаток. Он выстроил нас по росту. Сказал: «Бокс — дело серьёзное. Пусть все об этом подумают. А если кто из вас по-другому думает, то есть что бокс несерьёзное дело, пусть тот спокойно покинет зал».

Зал никто не покинул. Построились в пары. Как будто бы не на бокс пришли, а на урок физкультуры. Потом разучивали два удара. Махали руками по воздуху. Иногда тренер нас останавливал. Говорил, мы неправильно делаем. И начиналось сначала. Один раз тренер сказал кому-то:

— Вон там, в широченных штанах, что ты делаешь?

Я вовсе не думал, что это мне, а тренер ко мне подошёл и сказал, что я бью левой рукой вместо правой, в то время как все бьют только правой, и неужели нельзя быть внимательней.

Я обиделся и не пришёл больше. Очень мне нужно, думал я, заниматься какой-то глупостью. С моим-то ударом! Когда я стенку могу пробить. Очень мне всё это нужно! Пусть Мишка там занимается. И другие. А я приду, когда

будут драться. Когда наденут перчатки. И тогда мы посмотрим. Очень мне нужно просто руками махать! Это прямо смешно.

Я перестал ходить в секцию.

Только Мишку спрашивал:

— Каково? Всё руками машете?

Я всё смеялся над Мишкой. Дразнил его. И всё спрашивал:

— Ну, каково?

А Мишка молчал. Иногда говорил:

— Никаково.

Однажды он мне говорит:

— Завтра спарринг.

— Чего? — говорю.

— Приходи, — говорит, — сам увидишь. Спарринг — это учебный бой. Мы, в общем, драться будем. То есть работать. По-нашему так.

— Ну, работай, работай, — я говорю. — Зайду завтра к вам, поработаем.

Захожу в секцию на другой день. Тренер спрашивает:

— Ты откуда?

— Я, — говорю, — здесь записан.

— Ах, вот оно что!

— Я в спарринг хочу.

— Ну! — сказал тренер.

— Ну да! — сказал я.

— Всё ясно, — говорит тренер.

Он надел мне перчатки. И Мишке надел перчатки.

— Слишком ты боевой, — сказал он.

Я сказал:

— Разве это плохо?

— Хорошо, — сказал он. — Очень даже.

Мы с Мишкой вышли на ринг.

Я размахнулся и как ударю! Но мимо. Я второй раз размахнулся — и сам упал. Значит, опять промахнулся. Я смотрю на тренера. А тренер говорит:

— Работай, работай!

Я встал и опять замахнулся, как вдруг Мишка мне как стукнет! Я хотел его тоже стукнуть, а он мне как трахнет в нос!

Я даже руки опустил. И не пойму, в чём дело.

А тренер говорит:

— Работай, работай!

Мишка говорит тренеру:

— Мне с ним неинтересно работать.

Я разозлился, на Мишку кинулся и упал снова. Не то споткнулся, не то от удара.

— Нет, — говорит Мишка, — я с ним работать не буду. Он всё время падает.

Я говорю:

— Я не всё время падаю. Я ему дам сейчас!

А он мне в нос как даст снова!

И я опять на пол сел.

А Мишка уже перчатки снимает. И говорит:

— Нет, это просто смешно мне с ним работать. Он совсем не может работать.

Я говорю:

— Ничего нет смешного... Я сейчас встану...

— Как хочешь, — говорит Мишка, — можешь и не вставать, это вовсе не важно...

Совість

Когда-то была у Алёши двойка. По пению. А так больше не было двоек. Тройки были. Почти что все тройки были. Одна четвёрка была когда-то, очень давно. А пятёрок и вовсе не было. Ни одной пятёрки в жизни не было у человека. Ну не было — так не было, ну что поделаешь! Бывает. Жил Алёша без пятёрок. Рос. Из класса в класс переходил. Получал свои положенные тройки. Показывал всем четвёрку и говорил:

— Вот, давно было.

И вдруг — пятёрка! И главное, за что? За пение. Он получил эту пятёрку совершенно случайно. Что-то такое удачно спел — и ему поставили пятёрку. И даже ещё устно похвалили. Сказали: «Молодец, Алёша!» Короче говоря, это было очень приятным событием, которое омрачилось одним обстоятельством: он не мог никому показывать эту пятёрку. Поскольку её вписали в журнал, а журнал, понятно, на руки ученикам, как правило, не выдаётся. А дневник свой он дома забыл. Раз так, значит, Алёша не имеет возможности показывать всем свою пятёрку. И поэтому вся радость

омрачалась. А ему, понятно, хотелось всем показывать, тем более что явление это в его жизни, как вы поняли, редкое. Ему могут попросту не поверить без фактических данных. Если пятёрка была бы в тетрадке, к примеру, за решённую дома задачу или же за диктант, тогда проще простого. То есть ходи с этой тетрадкой и всем показывай. Пока листы не начнут выскакивать.

На уроке арифметики у него созрел план: украсть журнал! Он украдёт журнал, а утром его принесёт обратно. За это время он может с этим журналом обойти всех знакомых и незнакомых. Короче говоря, он улучил момент и украл журнал на перемене. Он сунул журнал себе в сумку и сидит как ни в чём не бывало. Только сердце у него отчаянно стучит, что совершенно естественно, поскольку он совершил кражу. Когда учитель вернулся, он так удивился, что журнала нет на месте, что даже ничего не сказал, а стал вдруг какой-то задумчивый. Похоже было, что он сомневался — был журнал на столе или не был, с журналом он приходил или без. Он так и не спросил про журнал; мысль о том, что кто-то из учеников украл его, не пришла ему даже в голову. В его педагогической практике такого случая не

было. И он, не дожидаясь звонка, тихо вышел, и видно было, что он здорово расстроен своей забывчивостью.

А Алёша схватил свою сумку и помчался домой. В трамвае он вынул журнал из сумки, нашёл там свою пятёрку и долго глядел на неё. А когда он уже шёл по улице, он вспомнил вдруг, что

забыл журнал в трамвае. Когда он это вспомнил, то он прямо чуть не свалился от страха. Он даже сказал «ой!» или что-то в этом роде. Первая мысль, какая пришла ему в голову, — это бежать за трамваем. Но он быстро понял (он был всё-таки сообразительный!), что бежать за трамваем нет смысла, раз он уже уехал. Потом много других мыслей пришло ему в голову. Но это были всё такие незначительные мысли, что о них и говорить не стоит.

У него даже такая мысль появилась: сесть на поезд и уехать на Север. И поступить там где-нибудь на работу. Почему именно на Север, он не знал, но собирался он именно туда. То есть он даже и не собирался. Он на миг об этом подумал, а потом вспомнил о маме, бабушке, своём отце и бросил эту затею. Потом он подумал, не пойти ли ему в бюро потерянных вещей; вполне возможно, что журнал там. Но вдруг возникнет подозрение? Его наверняка задержат и привлекут к ответственности. А он не хотел привлекаться к ответственности, не смотря на то что этого заслуживал.

Он пришёл домой и даже похудел за один вечер. А всю ночь не мог уснуть и к утру, наверное, ещё больше похудел.

Во-первых, его мучила совесть. Весь класс остался без журнала. Пропали отметки всех друзей. Понятно его волнение. А во-вторых — пятёрка. Одна за всю жизнь и та пропала. Нет, я понимаю его. Правда, мне не совсем понятен его отчаянный поступок, но переживания его мне совершенно понятны.

Итак, он пришёл утром в школу. Волнуется. Нервничает. В горле комок. В глаза не смотрит.

Приходит учитель. Говорит:

— Ребята! Пропал журнал. Какая-то оказия. И куда он мог деться?

Алёша молчит.

Учитель говорит:

— Я вроде бы помню, что я приходил в класс с журналом. Даже видел его на столе. Но в то же время я в этом сомневаюсь. Не мог же я его потерять по дороге, хотя я очень хорошо помню, как взял его в учительской и нёс по коридору...

Некоторые ребята говорят:

— Нет, мы помним, что журнал лежал на столе. Мы видели.

Учитель говорит:

— В таком случае куда он делся?

Тут Алёша не выдержал. Он не мог больше сидеть и молчать. Он встал и говорит:

— Журнал, наверное, в камере потерянных вещей...

Учитель удивился и говорит:

— Где-где?

А в классе засмеялись.

Тогда Алёша, очень волнуясь, говорит:

— Нет, я вам правду говорю, он, наверное, в камере потерянных вещей... он не мог пропасть...

— В какой камере? — говорит учитель.

— Потерянных вещей, — говорит Алёша.

— Ничего не понимаю, — говорит учитель.

Тут Алёша вдруг почему-то испугался, что ему здорово влетит за это дело, если он сознается, и он говорит:

— Я просто хотел посоветовать...

Учитель посмотрел на него и печально так говорит:

— Не надо глупости говорить, слышишь?

В это время открывается дверь и в класс входит какая-то женщина и в руке держит что-то завёрнутое в газету.

— Я кондуктор, — говорит она, — прошу прощения. У меня сегодня свободный день — и вот я нашла вашу школу и класс, и в таком случае возьмите ваш журнал.

В классе сразу поднялся шум, а учитель говорит:

— Как так? Вот это номер! Каким образом наш классный журнал оказался у кондуктора? Нет, этого не может быть! Может быть, это не наш журнал?

Кондукторша лукаво улыбается и говорит:

— Нет, это ваш журнал.

Тогда учитель хватает у кондуктора журнал и быстро листает.

— Да! Да! Да! — кричит он. — Это наш журнал! Я же помню, что нёс его по коридору...

Кондукторша говорит:

— А потом забыли в трамвае?

Учитель смотрит на неё широко раскрытыми глазами. А она, широко улыбаясь, говорит:

— Ну конечно! Вы забыли его в трамвае.

Тогда учитель хватается за голову и говорит:

— Господи! Что-то со мной происходит. Как я мог забыть журнал в трамвае? Это ведь просто невысказано! Хотя я помню, что нёс его по коридору... Может, мне уходить из школы? Я чувствую, мне всё труднее становится преподавать...

Кондукторша прощается с классом, и весь класс ей кричит «спасибо», и она с улыбкой уходит. А на прощание она говорит учителю:

— В другой раз будьте внимательней.

Учитель сидит за столом, обхватив голову руками, в очень мрачном настроении. Потом он, подперев руками щеки, сидит и смотрит в одну точку. Тогда встаёт Алёша и срывающимся голосом говорит:

— Я украл журнал.

Но учитель молчит.

Тогда Алёша опять говорит:

— Это я украл журнал. Поймите...

Учитель вяло говорит:

— Да... да... я понимаю тебя... этот твой благородный поступок... но это делать ни к чему... ты хочешь помочь... я знаю... взять вину на себя... Но зачем это делать, мой милый?..

Алёша, чуть не плача, говорит:

— Нет, я вам правду говорю...

Учитель говорит:

— Вы смотрите, он ещё настаивает...
какой упорный мальчишка... нет, это уди-
вительно благородный мальчишка... Я это
ценю, милый, но... раз... такие вещи со

мной случаются... нужно подумать об уходе... оставить на время преподавание...

Алёша говорит сквозь слёзы:

— Я... вам... правду... говорю...

Учитель резко встаёт со своего места, хлопает по столу кулаком и кричит хрипло:

— Не надо!

После этого он вытирает слёзы платком и быстро уходит.

А как быть Алёше?

Он остаётся весь в слезах. Пробует объяснить классу, но ему никто не верит.

Он чувствует себя в сто раз хуже, чем если бы был жестоко наказан. Он не может ни есть, ни спать.

Он едет к учителю на дом. И всё ему объясняет. И он убеждает учителя. Учитель гладит его по голове и говорит:

— Это значит, что ты ещё не совсем потерянный человек и в тебе есть совесть.

И учитель провожает Алёшу до угла.

Ёлка и заяц в придачу

Я люблю Новый год! В Новый год всюду ёлки. В Новый год всегда весело. В Новый год всем подарки дают. У нас много игрушек в ящике, много разных шаров, золотых цепей. Скорей бы их все на ёлку! Сегодня мама сказала:

— Пойдём сходим за ёлкой.

Я оделся, и мы пошли.

Навстречу нам мальчик вёз ёлку на санках. У него была очень хорошая ёлка. Густая.

— Вот такую хочу! — крикнул я.

— Хорошая ёлка, — сказала мама.

Она спросила, где мальчик купил свою ёлку.

— За углом, — сказал мальчик. — Вон там, за углом. Целый час выбирал.

Он был очень доволен.

— Спасибо, — сказала мама.

— Пожалуйста, — сказал мальчик. — Вон там, за углом. — Он махнул рукой. — На автобусе. Шесть остановок.

Мы с мамой сели в автобус.

Там ёлки только что кончились. На снегу валялось несколько веток.

— У меня суп на плите, — сказала мама. — У меня в тазу мокнет рыба. Я не могу таскаться за ёлкой. Придётся ждать папу.

Мы вернулись домой без ёлки.

Папа был дома. Он сразу решил:

— Едем к Коле. Подыщем там ёлку. Там сейчас трассу прокладывают. Рубят лес.

Дядя Коля — папин брат. Он лесник. Я люблю ездить в гости к дяде Коле. Я там в лесу зайца видел. У дяди Коли суп из сушёных грибов. Сколько хочешь варенья.

Я запрыгал от радости и запел:

— Я еду к дяде Коле, где зайцы и разные птицы, варенье, и ёлки, и суп из сушёных грибов!

— И охота вам, — сказала мама, — тащиться в такую даль! За какой-то ёлкой, когда можно купить ёлку в городе.

— Ты в городе с ним уже была. И почему-то вернулась без ёлки! Ребёнку нужна срочно ёлка! Новый год на носу, а он без ёлки!

— Ну да! — сказал я. — Как же так!

— У нас вечером гости, — сказала мама. — Ты не забыл?

Мама сердится.

Папа уже в пальто и шапке.

— Мы успеем ещё сто раз вернуться. К двенадцати-то уж мы вернёмся!

Ох и люблю я папу! Он-то знает, как мне нужна ёлка. Он-то знает!

В поезде было много народу. Я занял место возле окна. Шёл снег. Потом снег пошёл такой сильный, что залепил всё окно, и в вагоне стало совсем темно.

Кто-то сказал:

— Ишь повалил!

«Вот и хорошо! — думал я. — Ох и здорово! Сколько снегу! Вот это зима! Эх, и покатаюсь же я на санках! Эх, и поваляюсь в снегу! Давай, снег, иди, иди! У меня завтра начнутся каникулы. Мне нужен снег. Много снегу!»

И снег всё шёл за окном и шёл. Как будто бы он для меня старался. Я всё всматривался в окно, дышал на стекло, чтобы хоть что-нибудь увидеть.

Мне показалось, что я вижу лес, и я крикнул:

- Вон ёлки! Вон ёлки!
- Ишь крикун, — сказал кто-то.
- Мы едем за ёлкой, — пояснил папа. — Вот он и обрадовался.
- Рубить? — спросил дед в полушубке.
- Ага, — сказал папа.
- Не советую, — сказал дед.
- Почему? — удивился папа.
- Он ещё спрашивает, — сказал дед. — Вы что, не понимаете? Ваш сын может ещё не понять. Но вы-то, конечно, должны понять. Вам-то должно быть понятно. Поймите! Ведь пока ёлка вырастет, пройдут годы! А её топором. Что уж тут не понять!
- Да погодите вы, — говорит папа. — Я вас понял. И с вами согласен. Но тут дело совсем другого рода. Мы не такие варвары...
- А топорик с собой прихватили, да?
- Дайте сказать! Вот заладили!
- Дед махнул рукой и замолчал.
- Мы знаем, — сказал я, — где можно рубить. И дядя Коля знает.
- Ну, рубите, рубите, — сказал дед. — Только как вы её повезёте? Любой вас остановит.
- У нас будет квитанция, — сказал папа. — Успокойтесь, пожалуйста.

— Я-то спокоен, а вот как вы? Едете на такое дело!

— Да успокойтесь вы, — говорит папа.

— Я-то спокоен, — говорит дед.

— Не беспокойтесь, — говорю я.

— Вот ещё! — говорит дед. — Он меня успокаивает. Полюбуйтесь!

— Вы посмотрите! — сказала какая-то женщина. — Какие растут боевые дети! Прямо диву даёшься.

Поезд подходил к станции. Дед стал собираться. Он взвалил на спину мешок, сказал: «Ну и народ!» — и, не попрощавшись ни с кем, ушёл.

— Суровый дед, — сказал кто-то.

— Не щадят лес, — сказал толстый дядька.

Тогда папа всем рассказал про дорогу, как прокладывают её в лесу, потому рубят лес, — и все были довольны. А толстый дядька дал мне конфету. И пожелал чудесной ёлки. И успокоил папу, чтоб он не расстраивался.

Потом в вагоне зажёгся свет. У папы шапка свалилась на пол. А он спит себе. Я поднял шапку, папа проснулся.

— Я беспокоюсь, — говорит папа, — успеем ли мы вернуться.

— Успеем, — говорю я.

Я стараюсь увидеть в окно что-нибудь. Но я ничего не вижу. Иногда проносятся огоньки. И это всё. Всё-таки в поезде ехать скучно. Сначала кажется интересно, а потом вовсе неинтересно. Особенно если ночью едешь. Днём хоть в окно что-нибудь увидишь, а ночью так ничего не увидишь. Я думал о том, сколько нам ещё ехать, как вдруг папа мне говорит:

— Ну, вот мы и приехали!

Мы выходим на станцию. Звёзд в небе полным-полным. И лёгкий снежок летает. Тишина.

— Ох и темень же, — говорит папа, — кажется, нужно сюда, в эту сторону.

Мы идём по дорожке между ёлками, и папа освещает путь фонариком. Мне трудно идти. Сколько снегу! Я иду по колено в снегу. Потом папа берёт меня на руки.

— Ох и тяжёлый же, — говорит папа; он поднимает меня и сажает на плечи. И вот так мы идём.

Вон дом дяди Коли. Одно окно светится. Значит, он дома.

Стучим в окно.

Дядя Коля — огромный, до потолка. У него большущая борода, как у Деда Мороза. У дяди Коли большие руки. Он протягивает нам руки. Улы-

бається. Обнімає нас. Папа йому говорить:

— Вот, нежданно-негаданно!

Я сразу спрашиваю:

— Есть суп с грибами?

— Есть, — отвечает дядя Коля.

— А варенье?

— Конечно есть.

— А в лесу волки есть?

— Для тебя всё есть, — говорит дядя Коля.

Дядя Коля нас угощает. У дяди Коли всё очень вкусное. Я бы всё ел и ел — до того всё вкусно!

— Ребёнок объестся, — говорит папа.

— Не мешайте ему, — говорит дядя Коля. — Он знает, что делает.

Я, конечно, знаю, что делаю. Я прошу ещё варенья. Дядя Коля даёт мне ещё варенья. И я чувствую, что уже не хочу.

— Он совсем мало ест, — говорит дядя Коля.

Я съедаю своё варенье. И мы все идём за ёлкой.

Я всматриваюсь в темноту. Ёлок здесь много. Но мне хочется зайца увидеть. Но я зайца нигде не вижу. Как ни всматриваюсь в темноту.

Дядя Коля нам говорит:

— Вот здесь строят дорогу. Она пройдёт через весь этот лес. Это будет большая дорога. Я всю жизнь прожил здесь в лесу. Со зверями и птицами. Для меня это чудо какое-то.

— Выбери ёлку нам, — говорит папа, — а то мы не успеем на поезд. Ты не знаешь, когда последний поезд?

Дядя Коля нам выбирает ёлку.

Мы идём с ёлкой на станцию. Дядя Коля нас провожает.

Он не хочет, чтоб мы уезжали. Позже приедет тётя Вера. Она привезёт гостинцев из города. И мы можем здесь встретить Новый год.

— Мы с удовольствием, — говорит папа. — Но ведь ты знаешь Варвару. Потом, у нас гости. Мы обещали вернуться.

Дядя Коля хочет, чтоб мы остались, но он прекрасно знает Варвару. И не обижается.

Дядя Коля нас провожает до станции.

Мы стоим на перроне, а дядя Коля пошёл узнать, скоро ли будет поезд. Он возвращается и говорит, что там что-то случилось на линии, там какой-то снежный занос, поездов пока в город не будет. Из города, может быть, будет поезд, но, может быть, тоже не будет. Так что тётю Веру мы ждать не будем. А сейчас же сядем за стол в избе и проводим пока старый год.

— Боже мой, — говорит папа, — нас ждут гости. Нас ждёт Варвара. Все ждут нашей ёлки. Какой скандал!

— Мы позвоним туда со станции.

Дядя Коля идёт звонить.

— Ну, вот и всё, — говорит дядя Коля. — Я всё объяснил, и всё в порядке.

— Что сказала Варвара? — волнуется папа.

— Она поздравила всех с Новым годом.

— Это правда? — говорит папа.

— Ещё бы, — смеётся дядя Коля.

Мы идём обратно. Мне, конечно, жалко маму. Она о нас там беспокоится. Она всегда о нас беспокоится. Но, в конце

концов, мы мужчины. Мы встретим здесь Новый год, в лесу. К тому же здесь не так плохо. Здесь даже, по-моему, хорошо.

Входим в дом.

— Ну, как ты ведёшь себя? — спрашивает дядя Коля.

— Ой, — говорю, — хорошо веду!

— Это правда?

— Как будто, — говорит папа.

Вот он какой, мой папа! Он никогда меня не подведёт!

Дядя Коля ходит по комнате и что-то ищет. Он что-то ищет, а я смотрю и, конечно, не знаю, что он ищет. Дядя Коля просунул руку за шкаф, и вдруг я вижу: он держит зайца! Настоящий заяц! С большими ушами!

Я всю жизнь мечтал о зайце!

Я взял зайца и крепко держу. Такой симпатичный заяц! Ну просто прелесть!

Дядя Коля мне говорит:

— Ты не жми его так. А то задушишь. Ты держи его за уши.

— Как это так — держать зайца за уши? Если меня, например, держать за уши?

Дядя Коля смеётся:

— Вот чудак! Он же заяц! Держи его за уши!

Но я не стал держать зайца за уши. Хоть он и заяц. Мало ли что он заяц!

Вдруг заяц вырвался и побежал.

— Вот видишь, — смеётся дядя Коля. —
Нужно было держать его за уши!

Я искал зайца по всей избе. Опрокинул банку с вареньем.

Папа сказал:

— Зря ты дал ему этого зайца. Он теперь тут всё перевернёт.

— Пусть радуется, — говорит дядя Коля, — пусть себе переворачивает. Пока Веры нет.

Папа ставит ёлку в угол.

Я ищу зайца.

— Отдохни немного, — говорит папа, — ты погляди, какая ёлка!

Ёлка вся в тепле оттаяла и искрится.

Папа повесил на ёлку конфеты. Дядя Коля берёт будильник и вешает его тоже на ёлку. Будильник тикает на ёлке.

Дядя Коля опять накрывает на стол.
А папа вздыхает.

— Как всё получилось, — говорит он. — Как-то странно всё получилось.

— Ты не рад? — спрашивает дядя Коля.

— Нет, я рад, — отвечает папа.

— Так в чём же дело!

Я тоже рад.

Я ищу под кроватью зайца. Вон он там в угол забился. Сейчас я его достану!

Я очень рад. Как я могу быть не рад? Я так рад! У меня такой замечательный заяц! Такая ёлка! Вы просто не знаете, как я рад!

Папа просит ещё позвонить домой.

Дядя Коля идёт второй раз на станцию, возвращается и говорит: тётя Вера у нас, они с мамой готовятся к Новому году, они будут вместе встречать Новый год, и всё, в общем, в порядке.

— Не совсем в порядке, — вздыхает папа.

— Да ну тебя, — говорит дядя Коля.

— А гости? — спрашивает папа.

— И гости там, — говорит дядя Коля.

— Чёрт знает что, — вздыхает папа, — они там, а мы здесь...

— Да что ты, — говорит дядя Коля, — наоборот: мы здесь, а они там.

Подумаешь, гости! Они и без нас обойдутся. Зато у меня заяц есть. А был бы

я дома с гостями? Не было бы никакого зайца. Я, правда, люблю, когда гости. Но зайца я даже больше люблю.

Дядя Коля наливает вино в бокалы и говорит:

— Скоро будет двенадцать. Мы выпьем за Новый год. Самый лучший и самый счастливый...

А я беру зайца за уши, тихонько открываю дверь и выпускаю его в лес.

Пусть он встречает Новый год со своими зайцами.

СОДЕРЖАНИЕ

Живые картинки. <i>Л. Смилевска</i>	3
Как я боялся	5
И мы помогали	8
Яндреев	10
Всему своё место	12
Тетрадки под дождём	14
Разговор по телефону	16
Абсолютно верно.	19
В шкафу	20
Вот что интересно!	25
Кому что удивительно.	32
Быстрее, быстрее!	33
Как я встречал Новый год	39

Как я помогал маме мыть пол	44
Как мы в трубу лазали	46
Неохота всё время пешком ходить	50
Путешественник	52
Мы играем в Антарктиду	57
Две шапки	63
Секрет	71
Привычка	76
Как я писал стихи	78
Крути снежные вертя	80
Как-нибудь...	82
Если бы	85
Премия	88
Пара пустяков	92
В любом деле нужно уметь работать	97
Совесьть	103
Ёлка и заяц в придачу.	113

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста
Серия «Внеклассное чтение»

ГОЛЯВКИН ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ

ТЕТРАДКИ ПОД ДОЖДЕМ

Рассказы

Художник Е. Кузнецова

Предисловие Л. Смилевска

Ответственный редактор П. П. ЛЕМЕНИ-МАКЕДОН
Художественный редактор М. В. ПАНКОВА
Технический редактор Е. О. ЛУНЕВА
Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА
Верстка В. В. НИКИТИНА

Подписано в печать 15.08.18. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72.
ID 29894. Заказ №

ООО «РОСМЭН».

Почтовый адрес: 127018, г. Москва, ул. Октябрьская, д. 4, корп. 2.
Тел.: (495) 933-71-30.

Юридический адрес: 117465, г. Москва, ул. Генерала Тюленева, д. 29, корп. 1.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru*

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:
(495) 933-70-73; 933-71-30;
(495) 933-70-75 (факс).

Дата изготовления: сентябрь 2018 г.
Отпечатано в России.

В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ
от 29 декабря 2010 г. книга маркируется знаком 0+

ВНЕКЛАСНОЕ ЧТЕНИЕ

В серии вы найдёте художественные произведения из списка литературы, рекомендованной для внеклассного чтения в начальной и средней школе.

В сборник вошли короткие весёлые рассказы Виктора Голявкина:

Яндреев
Всему своё место
Тетрадки под дождём
Вот что интересно!
Путешественник
Пара пустяков
и многие другие.

ISBN 978-5-353-07704-6

9

785353 077046

